

Говорящая пустота

«Обозначенное пространство»

Бориса Маркевича в Музее личных коллекций

Натюрморт с кубками. 1966 г.

Дмитрий СМОЛЕВ, для «Новых Известий»

К самоограничению в выразительных средствах призывали художников так давно и столь многие, что даже неловко напоминать. Тем более когда все вокруг мельтешит, переливается и фонтанирует с утроенным напором. Вроде бы творцу полагается и время свое отображать – тоже ведь непреложная истина. Разве ухватишь что-то важное в этом калейдоскопе, имея под руками лишь перо, карандаш или кисточку? Но вот случается выставка Бориса Маркевича, пишутся в каталоге его слова: «Я всегда убежден, что с наибольшей полнотой художнику позволяет высказаться жесткое самоограничение», – и понимаешь, сопоставив девиз с результатами, насколько он прав. Был прав, если иметь в виду недавнюю его кончину. Но и остается.

Никакой аскезы, естественно, Маркевич не подразумевал, а требовал от себя (не притязая служить кому-нибудь образцом) обыкновенной профессиональной честности. Вкладывалось в это понятие не тупое ремесленное прилежание, а все то, что позволяет труду художника оставаться в числе культуuroобразующих: интуицию, способность к образному мышлению, эрудицию и т.д. Иначе говоря, не развиваясь свой дар, пользуясь цеховыми инструментами, можешь считать себя мошенником.

Затянувшееся предисловие, надеюсь, поможет понять, чем так восхищались поздние, 80-х – 90-х годов, акварели этого мастера. И почему они не затмевают блистательной книжной графики (начинал Борис Маркевич в качестве иллюстратора), и почему лаконичные, переходного периода между этими двумя этапами, сельские пейзажи не назовешь принадлежащими кисти «деревенщика». Несмотря на различия, они происходят не просто от одной руки, но от одной художественной воли. Ведь излюбленная автором акварель – вроде бы «легкая» (в смысле воздушная и прозрачная) техника, а тушь – почти «легкомысленная». Борясь со свойствами этих материалов, то есть подчиняя росчерк пера рациональному замыслу и «уплотняя», вопреки канонам, водяные краски многослойностью, Маркевич достиг другой легкости – не заложенной фабричными ГОСТами, а собственной, которой желал. Один лишь пример: в акварели белизна объектов традиционно передается оставлением просветов бумаги или введением чужеродных белил. У нынешнего экспонента все белые предметы (в натюрмортах их встречается немало) написаны несколькими оттенками, иногда мазками в два-три слоя, и на листе производят впечатление белоснежных. Высший пилотаж.

Как будто сплошная технология, но от нее танцует вдохновение. Скажем, серия иллюстраций к рассказам Зощенко, признанная классикой жанра, потребовала от художника едва ли не переучивания. По его воспоминаниям, помогло то, что в течение нескольких лет, еще до всякого заказа, он пытался уловить и передать особую зощенковскую интонацию. Вопреки привычным методам тренировался в «алогичных» линиях, добиваясь эффекта, адекватного писательскому представлению о «нервной свежести». В нужный момент словно выдохнул требуемые полсотни листов – и никогда больше этого приема не повторял.

Акварелью Маркевич увлекся в противовес тушевой графике, но гармоничного дополнения не получилось: совмещать два занятия художник был не в состоянии и в итоге оставил книжную индустрию. Станковые его мотивы всегда оставались камерными и даже сверхкамерными, почти минималистскими и жестко связанными с натурой. О себе в качестве акварелиста Маркевич не без иронии говорил: «Я и в интерьере, и в пейзаже выбираю натюрмортные мотивы и, как слепец, боюсь оторваться от предмета». А ведь иллюстрируя, положим, «Мастера и Маргариту», не вспоминал ни о слепоте, ни о боязни... Просто другая работа и другой характер самоограничения.

Медитативные листы, где в пустом «пуантилистском» пространстве располагаются бутылка, аптечный пузырек, спичечный коробок или просто капля воды (одна лишь капля в большом натюрморте!) стали вершиной творчества, абсолютно музейным материалом. Эта сюита даже в малых дозах производит гипнотическое действие, а ведь подобных композиций у Маркевича было гораздо больше, чем поместилось в нынешнюю экспозицию. «И это результат?» – усмехнется, возможно, кто-то из авторов, ищущих признания через светские новости. Да, это результат. Бесспорный и безусловный, после которого и умирать не страшно. Хотя жаль, что окончательный...